

Наталья
Ленская

Подельник

Наталья Ленская

Поделльник

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68992810

SelfPub; 2023

Аннотация

Этот короткий рассказ, как и сама жизнь, состоит из противоречий: холод и духота, сострадание и равнодушие, унижение личности и заочное уважение и забота о ней, розовое полотенце и сморщенные носки, ограбление и... Впрочем, узнаете сами. Ильяс – обычный дворник в спальном районе. Однажды зимним утром с обувной коробкой подмышкой он открывает дверь служебной квартиры...

Наталья Ленская

Подельник

Ключ, дрожа, оступился в замке и приземлился в грязную лужицу на рябом линолеуме подъезда. Коврика перед дверью не было, и прямо сейчас в лужицу, помимо ключа, «впали» следы ботинок дворника Ильяс с налипшими на них комьями снега. Ботинки эти с незавязанными, неловко заправленными внутрь шнурками имели какой-то виноватый, совсем не зимний вид. Ильяс молча нагнулся и со второго или третьего раза подцепил невыдающийся во всех смыслах кусочек металла распухшими, негнушимися с мороза пальцами, кожа на которых местами растрескалась так сильно, что уже не смыкалась. Другой рукой дворник прижимал к себе коричневую обувную коробку с темнеющим мокрым пятном на дне, стараясь держать её повыше от пола, отчего со стороны походил на самолёт, который лёг на крыло. Ильяс выпрямился, обтёр руку с ключом о лоснящуюся спецовку и наконец открыл замок.

В квартире было тихо. Ильяс, не разуваясь, прошёл на кухню мимо единственной комнаты. Почти всё место в ней занимали две двухъярусные кровати со скомканными разномастными простынями и одеялами, увешанные поношенной одеждой. На одной из них на когда-то нежно-розовом поло-

тенце морщились застиранные носки.

Ильяс бережно, двумя руками, покрытыми бордово-синими обветренными пятнами, поставил коробку на стол, приподнял крышку и улыбнулся. Одна за другой на выцветшую клеёнку стола упали две капли. Грязный рукав скользнул по вспотевшему лицу.

– Что за нечеловеческая вонь! Вы, чушки, окна хоть иногда открываете?

Ильяс отшатнулся от коробки и сунул руку в карман. Ключ остался в двери! Уголки губ поползли вниз, как будто кто-то специально натянул их, подбородок напрягся, плечи втянули в себя шею, и лицо дворника приобрело виновато-растерянный вид.

– Котельная ещё шпарит, как ненормальная, – в соседней комнате шумно открывались окна. – Носки преют. Не квартира, а бомжатник вокзальный!

Ильяс вдруг схватил коробку, заозирался по сторонам, рванул дверцу под раковиной.

– Ты там клад что ли ищешь?

Дворник кинул на коробку ворох шуршащих пакетов и торопливо поднялся.

Перед ним стояла, оперев руки в наливные бока, густо накрашенная управдомша Анжелаюрьна. В песцовой шапке, фиолетовом блестящем пуховике, в сапогах с расстёгнутыми молниями мехом наружу и раскрасневшимися то ли от мороза, то ли от духоты дворнической служебки щеками она

«кипятилась»):

– Я за тобой бегать должна? Снегопад такой! К помойке мусорка не подъедет! Всему двору по твоей милости то в сугробах, то в отходах тонуть?! Чего лопату у бачков бросил, а? Упрут, ты новую будешь покупать?! Глаза подними, нечего ухмыляться!

Ильяс посмотрел на свернувшегося на голове у Анжелы-юрьны песка. Из-под него торчали соломенные жжёные кудри. И волосы управдомши, и песок были неживые, но всё же песок выглядел как-то бодрее. Ильяс перевёл взгляд на свои вымокшие в сыром снегу ботинки и... едва заметно улыбнулся, но тут же снова оттянул уголки губ вниз.

– ... тебя участковый дожидается! А ну говори, что за беда на мою голову? Ты зачем тёрся около третьей вчера вечером?! Не отпирайся у меня. Соседи всё видели! А утром хозяева с гостей вернулись – вся квартира вверх дном, собака брешет!

– Я с щенок говорить. Он скулить весь вечер. Я подошёл отвлекать. У меня там дома тоже щенок жил. Также скучать сильно. Я сидел, сидел, потом уже спать шёл – рано вставать, снег чистить.

– ... через балкон влезли, второй этаж, окно разбито, всё вверх дном! Технику повынесли! Шмотки хорошие с обувью тоже упёрли. Ты что ли отвлекал от воров?! На шухере, небось, сидел?

– Кого отвлекать? Я с щенок...

– Кого? Соседей! Специально, поди, собаку растравил, чтоб не слышал никто, как окна били дружки твои! У-у-ух, как дала бы! Так, жду у подъезда. Сначала к участковому поведу, а потом – лопату в зубы и чистить. Все чистят, он дома отсиживается! И живо чтоб, подельник хренов! – Анжелаюрьна утёрла песцом покрасневшую шею и, не застёгивая сапог, вышла.

Ильяс присел и, стараясь не трясти, достал из-за мусорного ведра коробку.

Открыл и дрожащими руками вынул оттуда ботинки. Зимние, на меху, заботливо набитые газетами. Он погладил их чуть потёртую на мысках, шершавую, как у него самого, кожу и, не переставая улыбаться, сначала несколько раз провёл непослушными пальцами по блестящим с двух сторон молниям, а потом по увлажнившимся своим глазам.

Надпись маркером на крышке коробки кричала: «Не мусор! Не кладите в мусорный бак!». А внутри ручкой аккуратным почерком было приписано: «Носите. Они хорошие».

Но Ильяс не читал по-русски.